

УДК 329.285
ББК 66.1(0)
К83

Петр Кропоткин

К83 Анархия. Мысли, идеи, философия / П. Кропоткин – Москва: Издательство АСТ, 2020 – 352с. – (Моя жизнь)
ISBN 978-5-17-120574-4

П.А. Кропоткин - личность поистине энциклопедического масштаба. Подобно Вольтеру и Руссо, он был и мыслителем, и ученым, и писателем. На следующий день после того, как он получил признание ученого сообщества Российской империи за выдающийся вклад в геологию, он был арестован за участие в революционном движении. Он был одновременно и отцом российского анархизма, и человеком, доказавшим существование ледникового периода в Восточной Сибири. Его интересовали вопросы этики и политологии, биологии и геоморфологии.

В этой книге собраны лучшие тексты выступлений этого яркого, неоднозначного человека, блистающие не только обширными знаниями и невероятной эрудицией, но и богатством речи, доступной только высокоорганизованному уму.

УДК 329.285
ББК 66.1(0)

Издание для досуга

Петр Кропоткин

АНАРХИЯ. МЫСЛИ, ИДЕИ И ФИЛОСОФИЯ

Ответственный редактор *А. Минина*
Компьютерный дизайн *А. Закопайко*
Верстка *А. Конай-Гора*

Подписано в печать 20.02.2020

Формат 84x108/32. Усл. печ. л. 18,48.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskerville.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 — книги, брошюры печатные.

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2020 г.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ»

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 705, помещение I, этаж 7

Наш электронный адрес: www.ast.ru

«Баспа Аста» деген ООО

129085, Мәскеу каласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме,
I-жай, 7-қабат

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz. Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию

в республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор

және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92

Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-120574-4

© П. А. Кропоткин, текст.
© ООО «Издательство АСТ», 2020»

АНАРХИЯ

1

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА И АНАРХИЯ

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНАРХИИ

*Два основных течения в обществе: народное и начальни-
ческое. – Сродство анархизма с народно-созидательным
течением*

Анархия, конечно, ведет свое происхождение не от какого-нибудь научного открытия и не от какой-нибудь системы философии. Общественные науки еще очень далеки от того момента, когда они получают ту же степень точности, как физика или химия. И если мы в изучении климата и погоды не достигли еще того, чтобы предсказывать предстоящую погоду за месяц или даже неделю вперед, то было бы нелепо претендовать, что в общественных науках, имеющих дело с явлениями гораздо более сложными, чем ветер и дождь, мы могли бы уже предсказывать научно грядущие события. Не надо забывать тем более, что ученые — такие же люди, как и все другие, и что в большинстве они принадлежат к зажиточным классам и поэтому разделяют все предрассудки этих классов; многие из них даже находятся прямо на службе у государства. Понятно, что не из университетов идет к нам анархизм.

Как и социализм вообще и как всякое другое общественное движение, анархизм родился среди народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу только до тех пор, пока он будет оставаться народным.

Во все времена в человеческих обществах сталкивались в борьбе два враждебных течения. С одной сторо-

ны, народ, народные массы вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной, — чтобы поддерживать мир, улаживать ссоры и оказывать друг другу помощь во всем, что требует соединенных усилий. Родовой быт у дикарей, затем, позднее, сельская община и, еще позднее, промышленная гильдия и средневековые вольные города — республики вечевоего строя, которые положили первые основания международного права, — все эти и многие другие учреждения были выработаны не законодателями, а творческим духом самих народных масс.

С другой стороны, во все времена существовали колдуны, маги, вызыватели дождя, оракулы, жрецы. Они были первыми обладателями знания природы и первыми основателями различных религиозных культов (культ солнца, сил природы, предков и т. д.), так же как различных обрядностей, помогавших поддерживать единство союзов между отдельными племенами.

В эти времена первые зачатки изучения природы (астрономия, предсказание погоды, изучение болезней и т. д.) были тесно связаны с различными суевериями, выраженными в различных обрядностях и культах. Все искусства и ремесла имели такое же происхождение и вытекали из изучения и суеверий. И каждое из них имело свои мистические формулы, которые сообщались только посвященным и оставались старательно скрытыми от народных масс.

Рядом с этими первыми представителями науки и религии мы находим также людей, которые, как барды, ирландские брегоны, сказители законов у скандинавских народностей и т. д., рассматривались как знатоки и хранители преданий и старых обычаев, к которым все должны были обращаться в случае несогласия и ссор... Они хранили законы в своей памяти (иногда при помощи знаков, которые были зачатками письма), и в случае разногласий к ним обращались как к посредникам.

Наконец, были также временные начальники боевых дружин, владевшие, как предполагалось, колдовскими чарами, при помощи которых они могли обеспечить победу; они владели также тайнами отравления оружия и другими военными секретами.

Эти три категории людей всегда, с незапамятных времен составляли между собой тайные общества, чтобы сохранять и передавать следующему поколению (после долгого и тяжелого периода посвящения) тайны их специальностей; и если иногда они боролись друг с другом, они всегда кончали тем, что приходили к взаимному соглашению. Тогда они сплачивались между собой, вступали в союз и поддерживали друг друга, чтобы господствовать над народом, держать его в повиновении, управлять им — и заставлять его работать на них.

Очевидно, что анархизм представляет собой первое из этих двух течений, то есть творческую созидательную силу самого народа, выработавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства. Именно силою народного творчества и народной созидательной деятельности, опирающейся на всю мощь современной науки и техники, анархизм и стремится теперь выработать учреждения, необходимые для обеспечения свободного развития общества, — в противоположность тем, кто возлагает всю свою надежду на законодательство, выработанное правительством, состоящим из меньшинства и захватившим власть над народными массами при помощи суровой жестокой дисциплины.

В этом смысле анархисты и государственники существовали во все времена истории.

Затем во все времена происходило также то, что все учреждения, даже самые лучшие, которые были выработаны первоначально для поддержания равенства, мира и взаимной помощи, со временем застывали, окаменевали, по мере того как они старели и дряхлели. Они теряли

свой первоначальный смысл, попадали под владычество небольшого властолюбивого меньшинства и кончали тем, что становились препятствием для дальнейшего развития общества. Тогда отдельные личности восставали против этих учреждений. Но тогда как одни из этих недовольных, восставая против учреждения, которое, устарев, стало стеснительным, старались видоизменить его в интересах всех, и в особенности низвергнуть чуждую ему власть, которая в конце концов завладела этим учреждением, — другие стремились освободиться от того или иного общественного установления (род, сельская коммуна, гильдия и т. д.) исключительно для того, чтобы стать вне этого учреждения и над ним, — чтобы господствовать над другими членами общества и обогащаться на их счет.

Все реформаторы, политические, религиозные и экономические, принадлежали к первой из этих категорий. И среди них всегда находились такие личности, которые, не дожидаясь того, чтобы все их сограждане или даже меньшинство среди них прониклись теми же взглядами, шли сами вперед и восставали против угнетения — или более-менее многочисленными группами, или совсем одни, если за ними никто не следовал. Таких революционеров мы встречаем во все эпохи истории.

Однако сами революционеры были также двух совершенно различных родов. Одни из них, вполне восставая против власти, выросшей внутри общества, вовсе не стремились уничтожить ее, а желали только завладеть ею сами. На месте власти, устаревшей и ставшей стеснительной, они стремились образовать новую власть, обладателями которой они должны были стать сами, и они обещали, часто вполне чистосердечно, что новая власть будет держать близко к сердцу интересы народа, истинной представительницей которого она явится, — но это обещание позднее неизбежно ими забывалось, или нарушалось. Таким образом, между прочим, создавалась императорская власть цезарей в Риме, церковная власть в первые века

христианства, власть диктаторов в эпоху упадка средневековых городов-республик и так далее. То же течение было использовано для образования в Европе королевской власти в конце феодального периода. Вера в императора-«народника», Цезаря, не угасла еще даже и в наши дни.

Но рядом с этим государственным течением утвердилось также другое течение в такие эпохи пересмотра установленных учреждений. Во все времена, начиная с Древней Греции и до наших дней, появлялись личности и течения мысли и действия, стремившиеся не к замене одной власти другой, а к полному уничтожению власти, завладевшей общественными учреждениями, не создавая вместо нее никакой другой власти. Они провозглашали верховные права личности и народа и стремились освободить народные учреждения от государственных наростов, чтобы иметь возможность дать коллективному народному творчеству полную свободу, чтобы народный гений мог свободно перестроить учреждения взаимной помощи и защиты согласно новым потребностям и новым условиям существования. В городах Древней Греции и особенно в средневековых городах (Флоренция, Псков и т. д.) мы находим много примеров борьбы этого рода.

Мы можем, следовательно, сказать, что всегда существовали якобинцы и анархисты между реформаторами и революционерами.

В прошлые века происходили даже громадные народные движения, запечатленные анархическим характером. Многие тысячи людей в селах и городах поднимались тогда против государственного принципа, против органов государства и его орудий — судов и законов — и провозглашали верховные права человека. Они отрицали все писанные законы и утверждали, что каждый должен повиноваться лишь голосу своей собственной совести. Они стремились создать, таким образом, общество, основанное на принципах равенства, полной свободы и труда. В христианском движении, начавшемся

в Иудее в правление Августа против римского закона, против римского государства и римской тогдашней нравственности (или, вернее, безнравственности), было, без сомнения, много серьезных анархических элементов. Но понемногу оно выродилось в церковное движение, построенное по образцу древнееврейской церкви и самого императорского Рима, — и это, очевидно, убило то, что христианство имело в себе анархического в начале своего существования; оно придало ему римские формы и сделало из него в скором времени главный оплот и поддержку власти, государства, рабства и угнетения. Первые зародыши «оппортунизма», которые были введены в христианство, уже заметны в Евангелиях и в Посланиях Апостолов или, по крайней мере, в тех редакциях этих писаний, которые составляют Новый Завет.

Точно так же в движении анабаптистов шестнадцатого века, которое начало и произвело Реформацию, было очень много анархического. Но раздавленное теми из реформаторов, которые под руководством Лютера соединились с принцами и князьями против восставших крестьян, это движение было задавлено ужасными кровавыми расправами над крестьянами и «простонародьем» городов. Тогда правое крыло реформаторов выродилось понемногу и превратилось в тот компромисс со своею совестью и государством, который существует теперь под именем протестантизма.

Итак, подводя вкратце итог сказанному, — анархизм родился из того же протеста, критического и революционного, из которого родился вообще весь социализм. Только некоторые социалисты, дойдя до отрицания капитала и общественного строя, основанного на эксплуатации труда капиталом, остановились на этом. Они не восстали против того, что составляет, по нашему мнению, истинную силу капитала — государства и его главных оплотов: централизации власти, закона (составленного всегда меньшинством и в пользу меньшинства)

и суда, созданных главным образом ради защиты власти и капитала.

Что касается анархизма, то он не останавливается на одной критике этих учреждений. Он поднимает свою святотатственную руку не только против капитала, но также против его оплотов: государства, централизации и установленных государством законов и суда.

II. УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ XVIII в.

Его основные черты: исследования всех явлений научным методом

Но если анархизм, подобно всем другим революционным направлениям, зародился среди народов, в шуме борьбы, а не в кабинете ученого, то тем не менее важно знать, какое место он занимает среди различных научных и философских течений мысли, существующих в настоящее время? Как относится анархизм к этим различным течениям? На которое из них он преимущественно опирается? Каким методом исследования он пользуется, чтобы обосновать и подкрепить свои выводы и заключения? Иначе говоря, к какой школе философии права принадлежит анархизм? И с каким из ныне существующих направлений в науке он выказывает наибольшее сходство?

Ввиду того непомерного увлечения экономической метафизикой, которое мы видели в последнее время в социалистических кругах, этот вопрос представляет известный интерес. Поэтому я постараюсь ответить на него кратко и возможно просто, избегая мудреных слов там, где их можно избежать.

Умственное движение XIX в. ведет свое происхождение от работ английских и французских философов середины и начала предыдущего столетия.

Всеобщий подъем мысли, начавшийся в ту пору, воодушевил этих мыслителей желанием охватить все

человеческие знания в одной общей системе — системе природы. Отбросив окончательно средневековую схоластику и метафизику, они имели смелость взглянуть на всю природу — на звездный мир, на нашу Солнечную систему и на наш земной шар, на развитие растений, животных и человеческих существ на поверхности земли — как на ряд фактов, могущих быть изученными по такому же методу, по какому изучают естественные науки.

Широко пользуясь истинно научным, индуктивно-дедуктивным методом, они приступили к изучению всех групп явлений, какие мы наблюдаем в природе, будь то явления из мира звезд, или мира животных, или из мира человеческих верований и учреждений, — совершенно так же, как если бы это были вопросы физики, изучаемые натуралистом.

Они сначала тщательно собирали факты, и когда они затем строили свои обобщения, то они делали это путем наведения (индукции). Они строили известные предположения (гипотезы), но этим предположениям они приписывали не больше значения, чем Дарвин своей гипотезе о происхождении новых видов путем борьбы за существование или Менделеев своему «периодическому закону». Они видели в них лишь предположения, которые представляют возможное и вероятное объяснение и облегчают группировку фактов и их дальнейшее изучение; но они не забывали, что эти предположения должны быть подтверждены приложением к множеству фактов и объяснены также дедуктивным путем и что они могут стать законами, т. е. доказанными обобщениями, не раньше, чем они выдержат эту проверку, и после того, как причины постоянных соотношений и закономерности между ними будут выяснены.

Когда центр философского движения XVIII века был перенесен из Англии и Шотландии во Францию, то французские философы, с присущим им чувством стройности и системы, принялись строить по одному общему плану и на тех же началах все человеческие знания: естествен-

ные и исторические. Они сделали попытку построить обобщенное знание-философию всего мира и всей его жизни в строго научной форме, отбрасывая всякие метафизические построения предыдущих философов и объясняя все явления тех же физических (то есть механических) сил, которые оказались для них достаточными для объяснения происхождения и развития земного шара.

Говорят, что когда Наполеон I сделал Лапласу замечание, что в его «Изложении системы мира» нигде не упоминается имя Бога, то Лаплас ответил: «Я не нуждался в этой гипотезе». Но Лаплас сделал лучше. Ему не только не понадобилась такая гипотеза, но, более того, он не чувствовал надобности вообще прибегать к мудреным словам метафизики, за которыми прячутся туманное непонимание и полунепонимание явлений и неспособность представить их себе в конкретной, вещественной форме в виде измеримых величин. Лаплас обошелся без метафизики так же хорошо, как без гипотезы о творце мира. И хотя его «Изложение системы мира» не содержит в себе никаких математических вычислений и написано оно языком, понятным для всякого образованного читателя, математики смогли впоследствии выразить каждую отдельную мысль этой книги в виде точных математических уравнений, то есть в отношениях измеримых величин, — до того точно и ясно мыслил и выражался Лаплас!

Что Лаплас сделал для небесной механики, то французские философы XVIII в. пытались сделать, в границах тогдашней науки, для изучения жизненных явлений (физиологии), а также явлений человеческого познания и чувства (психологии). Они отвергли те метафизические утверждения, которые встречались у их предшественников и которые мы видим позднее у немецкого философа Канта. В самом деле, известно, что Кант, например, старался объяснить нравственное чувство в человеке, говоря, что это есть «категорический императив» и что известное правило поведения обязательно,

«если мы можем принять его как закон, способный к всеобщему приложению». Но каждое слово в этом определении представляет что-то туманное и непонятное («императив», «категорический», «закон», «всеобщий») вместо того вещественного, всем нам известного факта, который требовалось объяснить.

Французские энциклопедисты не могли удовлетворяться подобными «объяснениями» при помощи «громких слов». Как их английские и шотландские предшественники, они не могли для объяснения того, откуда в человеке является понятие о доброте и зле, вставлять, как выражается Гёте, «словечко там, где не хватает идеи». Они изучали этот вопрос и — так же, как сделал Гэтчесон в 1725 г., а позже Адам Смит в своем лучшем произведении «Происхождение нравственных чувств», — нашли, что нравственные понятия в человеке развились из чувства сожаления и симпатии, которое мы чувствуем по отношению к тому, кто страдает, причем они происходят от способности, которой мы одарены, отождествлять себя с другими настолько, что мы чувствуем почти физическую боль, если в нашем присутствии бьют ребенка, и мы возмущаемся этим.

Исходя из такого рода наблюдений и всем известных фактов, энциклопедисты приходили к самым широким обобщениям. Таким образом они действительно объясняли нравственное понятие, являющееся сложным явлением, более простыми фактами. Но они не подставляли вместо известных и понятных фактов непонятные, туманные слова, ничего не объяснявшие, вроде «категорического императива» или «всеобщего закона».

Преимущество метода, принятого энциклопедистами, очевидно. Вместо «вдохновения свыше», вместо неестественного и сверхъестественного объяснения нравственных чувств они говорили человеку: «Вот чувство жалости, симпатии, имевшееся у человека всегда со времени его появления на свет, использованное им в его первых

наблюдениях над себе подобными и постепенно усовершенствованное, благодаря опыту общественной жизни. Из этого чувства происходят у нас наши нравственные понятия».

Таким образом, мы видим, что мыслители XVIII в. не меняли своего метода, переходя от мира звезд к миру химических реакций или даже от физического и химического мира к жизни растений и животных или к развитию экономических и политических форм общества, к эволюции религий и т. п. Метод оставался всегда тот же самый. Во всех отраслях науки они прилагали всегда индуктивный метод. И так как ни в изучении религий, ни в анализе нравственных понятий, ни в анализе мышления вообще они не встречали ни одного пункта, где бы этот метод оказался недостаточным и где был бы приложим другой метод, и так как нигде они не видели себя принужденными прибегать ни к метафизическим понятиям (Бог, бессмертная душа, жизненная сила, категорический императив, внушенный высшим существом, и т. п.), ни к диалектическому методу, то они стремились объяснять Вселенную и все явления мира при помощи того же естественно-научного метода.

В течение этих лет замечательного умственного развития энциклопедисты составили свою монументальную Энциклопедию; Лаплас опубликовал свою «Систему мира» и Гольбах — «Систему природы»; Лавуазье утверждал неуничтожаемость материи и, следовательно, энергии, движения. Ломоносов в России, вдохновленный, вероятно, Бейлем, набрасывал уже в это время механическую теорию теплоты; Ламарк объяснял появление бесконечного разнообразия видов растений и животных при помощи их приспособления к различной среде; Дидро давал объяснения нравственности, обычаев, первобытных учреждений и религий, не прибегая ни к каким внушениям свыше; Руссо старался объяснить зарождение политических учреждений путем общест-